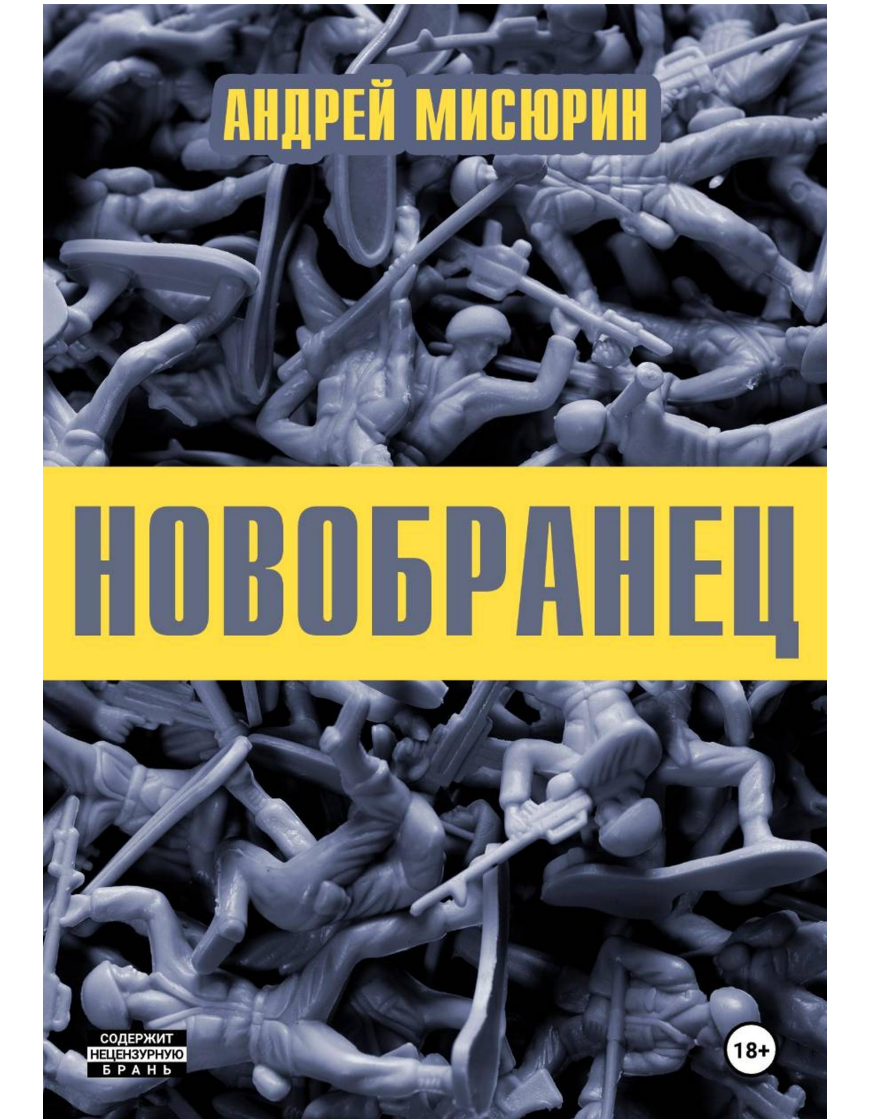

АНДРЕЙ МИСЮРИН

НОВОБРАНЕЦ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Мисюрин

Новобранец

<https://litres.ru/74631097>

SelfPub; 2026

Аннотация

На небесах за какие-то невятные заслуги решили подарить начитанному и романтически настроенному студенту-первокурснику Николаю Васильеву исполнение трёх желаний, о чём он никогда в жизни не догадывался, однако желания его исполнились. В результате он оказался в сказочном мире, - а какой ещё была эпоха пышных похорон на закате СССР и прихода к власти Горбачёва? Именно в эти годы юный Коля Васильев закончил школу и стал первокурсником-биологом. В университете он пытается направить свою юношескую гиперсексуальность в мирное русло. В промежутках между сердечными делами Коля пробует заниматься наукой. Он то и дело попадает в комические ситуации.

Когда слабеющей стране понадобилось больше солдат, Колю, как и многих первокурсников, призвали в армию. Служить ему предстоит в вертолётной части на Западной Украине. В часть он попадает за год до Чернобыльской катастрофы.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Андрей Мисюрин

Новобранец

Глава

Новобранец

Часть первая. Весёлые проводы.

1

Коля Васильев получил предписание явиться в военко-

мат шестого июня на сборы для отправки в армию. При себе иметь кружку, ложку, пару сменного белья. Следовательно, оставалось ровно две недели до того дня, когда из студента-первокурсника он превратится в солдата-новобранца. Этого времени хватило на то, чтобы в ускоренном режиме сдать сессию и даже съездить домой, повидаться и проститься с родными.

Почти все экзаменаторы были добры и не задавали лишних дополнительных вопросов. Всё строго по билету. Оценки пять и четыре. Только на последнем экзамене доценту Матвееву, в то время ещё безбородому, показалось недостаточным услышать пересказ избранных глав им же самим написанного учебника по зоологии беспозвоночных. После того как вопросы билета были исчерпаны, доцент высыпал на щербатый и покрытый когда-то жёлтым лаком стол горсть готовых, зафиксированных в ацетоне и окрашенных гематоксилином препаратов: продолговатые предметные стёкла, в средней части которых под совсем уже миниатюрным квадратиком тончайшего покровного стёклышка находился кусочек тонкого среза какого-нибудь мягкотелого существа или даже организм целиком. И тут Коля "поплыл": не смог отличить печёночного сосальщика от кошачьей двуустки. Матвеев сокрушённо покачал головой и сказал:

— Как же вы дальше будете жить, товарищ студент? И ещё в армию собрались.

— Я и не собирался. Меня призвали.

— Оно и видно! Его призвали, а он не собирался. Собранней надо быть, молодой человек! Получше завязывать шнурки и всегда застёгивать ширинку, образно говоря. Вот дадут вам автомат, а вы хотя бы представляете, в какую сторону из него стрелять?

— Я пока даже не знаю, в какой род войск попаду.

— Вот так и живёте вы все налегке, ничего не знаете, зря тратите своё время и время своих преподавателей. Я могу оценить ваши знания только на "удовлетворительно", хотя я ими совершенно не удовлетворён. Давайте зачётку и экзаменационный лист!

— Зачётка в деканате, мы ведь досрочно как армейские сдаём, нам зачёток не выдали, есть только вот такой листок.

Доцент поставил в листок "трояк" и протянул бумажку студенту.

— Идите.

Коля спустился на этаж ниже и дошёл до двери деканата. Постоял около неё минуты две, потом разорвал бумажку и бросил обрывки в мусорную корзину. Когда через два года Коля будет забирать документы и отчисляться с биолого-химического факультета Марийского университета, чтобы вновь стать абитуриентом и поступать уже на биофак МГУ, то он с удивлением прочитает в выписке об оценках, что по зоологии "беспов" у него стоит "хорошо".

Итак, с экзаменами было покончено, и тем же днём Коля уехал из столицы Марийской АССР Йошкар-Олы в родной ему город Актюбинск Казахской ССР. Сначала на электричке четыре часа до Казани, из Казани шесть часов на поезде до Куйбышева, потом половина суток до Актюбинска, если повезёт с билетами. Если не повезёт, то тогда до Оренбурга или Орска, а из них до Актюбинска чуть больше сотни километров, можно будет доехать и на автобусе. Самолёты по этой траектории в те годы не летали, а теперь и подавно не летают.

Коля волочил с собой туго набитые книжками большой чемодан и хозяйственную сумку. Книги он покупал часто, за период с сентября по конец мая набралось их очень много. Книжный магазин был недалеко от общаги. Николай последовательно обходил все полки, заглядывал и в букинистический отдел. Выбор ему сделать было сложно, так как почти все книги Коле чем-нибудь да нравились. Сдерживали его от покупок только размеры кошелька и понимание, что всех книг на свете прочесть невозможно. Кошелёк студента пополнялся переводами из дома, но на удовлетворение своей страсти в приобретении новых книжных трофеев Коля тратил деньги, заработанные им на разгрузке вагонов и ту сумму, что ему выплатили за работу по уборке картофеля, на которую минувшей осенью весь их первый курс, кроме больных и приравненных к ним, был отправлен на две недели.

Электричка из Йошкар-Олы ехала неспеша, то и дело

останавливаясь на небольших станциях с необычно звучащими для Коли названиями: Куяр, Пемба, Кундыш, Суслонгер, Шелангер. Больше всего ему понравилось, как называется посёлок, в котором поезд стоял дольше всего, — Сурок. Прямо от железнодорожной насыпи в этом посёлке начиналось большое круглое озеро, которое, однако, на взгляд Николая, было недостаточно крупным, чтобы вокруг него сновало так много людей в морской форме. Однако так оно и было — где-то в лесу недалеко от этого озера и одноимённого посёлка была именно что военно-морская часть. Возможно, до неё даже доплывали те самые фольклорные "подводные лодки степей Казахстана", которые упоминались у Коли на малой родине, когда говорили о чём-нибудь несуществующим или нелепом.

Из этого посёлка была родом Колина однокурсница Наташа, с которой он часто гулял в Йошкар-Олинском городском парке, сидел с ней на скамейке под липами или рябинами и гладил нежную белую кожу круглых тёплых коленей девушки, каждый раз норовя пробраться поглубже под юбку или расстегнуть пару пуговиц на ширинке. От Наташи Коля и узнал, что у и девушек на юбках тоже есть ширинки, как и на его собственных брюках. Наташа так и сказала, когда он первый раз изловчился совладать с пуговками: "Ой, ты мне расстегнул ширинку!" Коля любил Наташу и был уверен, что женится именно на ней, но этого так и не случилось. Любил он и других девушек, но Наташу больше всего.

Его очень смущало, что одновременно ему нравятся девушки если не все, то через одну. Как и книги, каждая из приглянувшихся Коле представительниц прекрасного пола содержала в себе нечто исключительно интересное, непрочитанное, желанное. Эти милые создания действовали на него своей трудно преодолимой гравитацией как крупные космические тела — звёзды и планеты — на стремительно мчащуюся в неведомое комету. Николай то и дело сворачивал с своего прямого маршрута и устремлялся к тому или другому голубоглазому или кареглазому светилу, делал крутой вираж и уносился дальше на сверхвысоких космических скоростях, близких к световым. Но с книжками было проще, они между собой уживались легко, их можно было сложить стопочкой, перелистать, взяв в руки любую из них, когда бы не вздумалось. Девушки же между собой в присутствии Коли совсем не уживались, а пролистывать и лохматить себя позволяли только тогда, когда им этого самим хотелось.

Вот и Сурок. Электричка остановилась. Стоянка двадцать минут. Заходили под окном вагона бескозырки и флотские фуражки. Начальник поезда — пышная женщина в железнодорожной форме — спустилась по насыпи к озеру, неторопливо как на сцене разделась, оказавшись под форменной одеждой в красном миниатюрном купальнике, норовящим скрыть свои врезающиеся в кожу тонкие верёвочки в глубине складок обширного железнодорожного тела. Раздевшись, женщина попробовала одной ногой воду и осталась

температурой довольна. Подняла вверх и заколола тяжёлую копну золотистых волос. Осторожно спустилась по покато-му скользкому берегу. Погрузилась в водоем и сделала несколько плавных гребков стилем, напоминающим брасс, от берега и обратно. Покачиваясь на невидимых с берега подводных камешках, она вышла из озера и постояла некоторое время на травке, жмурясь от яркого солнца и глядя в сторону поезда. Капельки озёрной воды поблёскивали на её белой упругой коже. Рассмотрев как следует скопившихся у насыпи военных и дав им полюбоваться на своё богатое возможностями тело, женщина обтёрлась махровым в синюю и белую полосу большим банным полотенцем, набросила его на плечи, подхватила форму и удивительно легко при её комплекции побежала к поезду, сверкая налитыми женственностью ногами, при каждом шаге отбрасывая в стороны удлинённые голени с округлыми крепкими икрами и тонкими щиколотками. На всё время купания этой удивительной наяды бескозырки и фуражки застыли и оставались неподвижными, ленточками к поезду, козырьками к озеру, пока женщина не закончила водные процедуры и не скрылась в своём вагоне. Вот таким славным был посёлок Сурок. Электричка поехала дальше.

На этом романтическая часть путешествия, самая короткая, закончилась.

Проехали Помары. Где-то здесь проходила знаменитая газовая труба, дававшая Советскому Союзу напоследок надеяться перед смертью. За спиной, стало быть, находился где-то Уренгой, а далеко впереди был город Ужгород, который, по недоразумению, довольно скоро после этой Колиной поездки превратился в иностранный. За Помарами проехали белёсый лес, припудренный цементной пылью, и вот уже зона тайги закончилась, миновали один холм, другой, вот и Казань. Да, был ещё и Зелёный Дол, на платформу которого Коля выходил поразмять ноги. В это время у поезда прогуливался и разминал ножки гастролирующий театр лилипуты. Лилипутки состроили Коле свои сильно подведённые глазки, и студент на космической скорости убежал в свой вагон, чтобы не заложить неподобающий призывнику любовный вираж.

В Казани были вкуснейшие горячие беляши по шестнадцать копеек штука, остро отдающие степными травами, которые ела при жизни та баранина, что пошла на начинку. Был и знаменитый рассыпчатый чак-чак, сладкий и липкий от мёда, отдающий всё той же бараниной. Увидел Коля побелённый известью Кремль с шатровым главным собором, цветные старые дома с лепниной, давно не крашеные, похожие на частично облупленные в процессе поедания пасхальные яйца.

Купив билеты до Куйбышева и сдав свою тяжёлую ношу в камеру хранения, Коля сел на лавочку в привокзальном

сквере. До посадки на следующий поезд было ещё около трёх часов. Коля раскрыл купленный в ларьке неподалёку журнал "Чаян" — татарский аналог "Крокодила" — и стал рассматривать карикатуры.

На другой конец лавочки села интеллигентная пара: сначала невысокая полная дама лет сорока в розовой пляжной шляпке из витого шнура с пришпиленной к ней пластмассовой ромашкой, и, минут через десять, к даме присоединился товарищ в клетчатой рубашке, в оттопыренном нагрудном кармане которой торчала начатая пачка сигарет "Прима". Товарищ этот был в мятых чёрных брюках с лоснящимися коленками и без шляпы вообще, но зато с двумя коричневыми бутылками пива "Жигулёвское". Мужчина открыл пиво при помощи поцарапанного обручального кольца из дутого золота; для этого он возложил окольцованную правую руку на горлышко каждой из бутылок, подцепил крышку острым краем символа любви и верности и — вуаля! — чпок, пиво готово к употреблению. Дама и товарищ пососали каждый свою бутылочку, не спеша опорожнили их, слили пену и аккуратно сложили пустую тару в сетчатую красную авоську, — видимо, чтобы дать бутылкам, как в наше время Илон Маск своим ракетам, шанс на вторую или даже третью жизнь. Потом мужчина в клетчатой рубашке спросил у Коли: "Сколько время?" Коля ответил. Потом товарищ сказал всем сразу: "Ух, жарко!" Коля не ответил, а дама хихикнула. Потом вся компания посидела минут пять молча, только Ко-

ля шуршал страницами журнала, а любитель пива позвякивал бутылками, перекатывая их в авоське. И вдруг товарищ сказал своей даме:

— Пойдем, поебёмся!

— Нет. Не хочу.

— Пойдём. Делать всё равно нечего.

— Ну ладно, пойдём!

И они ушли.

Коля поразился такой простоте и искренности отношений жителей Казани и решил осмотреть этот город подробней. Пошёл и увидел вышеперечисленное: Кремль, цветные старые дома, а ещё пыльные улицы, множество голубей, ярко-синюю широкую полосу Волги с тем островом на ней, с которого Иван Грозный делал свой подводно-подземный подкоп, чтобы овладеть этим замечательным городом, и — главное — множество красивых девушек с синими, зелёными, карими и чёрными глазами. Поел Коля и беяшей с чакчаком, выпил горячего чёрного чаю и едва успел на поезд до Куйбышева. И — вперёд, два раза через Волгу.

В Куйбышеве Коля очень удачно купил билеты прямо до Актюбинска. Да, плацкартный вагон. Да, верхняя полка. Да, боковая. Да, около туалета. Зато прямой поезд. И снова Коля сдал свою ношу в камеру хранения, отметив про себя, что все камеры хранения пахнут одинаково чем-то кислым, и по-

шёл осматривать местных девушек и город. Девушки в Куйбышеве Колю не подвели и осыпали его настоящим фейерверком разноцветных блестящих глаз: зелёные, синие, голубые, карие, чёрные блёстки! Попадались даже красные, но эти не в счёт. Наткнулся Коля в парке (любитель парков!) на кинотеатр — здание с колоннами, портиком, лепниной, всё яркое, краски не пожалели! Купил и съел мороженое, потом, отстояв приличную очередь, приобрёл билет и успел на индийский фильм с Радж Капуром. У каждой женщины красная точка во лбу. Брошенные и подброшенные дети, танцующие девушки с голыми животами и широкими бёдрами, пискляво поющие ритмичные песни на фоне таких огромных цветов, что трудно поверить в их естественное происхождение. Драки, жестокие настолько, что звук удара слышен до того, как рука или нога достигла цели. Всё кончается хорошо, все поют, пляшут, плачут от умиления, потом едят и пьют, а молодые главные герои, трезвые и голодные, с цветочными гирляндами на шеях, уединяются в роскошные покои для занятий Камасутрой. Хэппи-энд. А Коле, после двух-то серий, опять надо стремглав лететь, чтобы поспеть на поезд.

Именно в Куйбышеве у Коли родились эти строчки:

Я купил себе чемодан
с чёрной ручкой, замками белыми,
знать, не ведал я, что и делаю,

по своим молодым годам.

Видимо, очень тяжёл был туго набитый книгами чемодан и его неизменная подруга хозяйственная сумка.

4

В Актюбинск Коля прибыл ночью и едва его не проехал. Проводник забыл разбудить призывника или не посчитал нужным это сделать. Если бы не топот и ругань земляков, то поехал бы Коля дальше в бескрайние казахские степи, и ещё неизвестно, как бы у него после этого сложилась судьба. В тех волшебных краях всякое случается, всякое может произойти. Но актюбинцы — народ жёсткий, если не сказать жестокий. Могут зарезать прямо в автобусе или троллейбусе, но не потому, что у пассажира, например, нет билета, а просто так, по внезапному движению души и сердца. На подъезде к городу, где-нибудь около Курайли, Родниковки или Жилиянки, народ этот так интенсивно начал ходить в туалет, что хлопаньем дверей и своей вознёй, заменявшей им организованную очередь, они могли бы разбудить даже и мёртвого, а не то, что живого, Николая, годного к строевой срочной службе безо всяких ограничений. Так что Коля немного потолкался, и вот он уже на родине — стоит со своими друзьями — чемоданом и сумкой — на перроне перед новым зданием ЖЭДэ вокзала. А поезд номер восемь "Москва-Алма-Ата", не свистнув и вообще ничего не сказав на проща-

ние, покатил себе дальше до конца своего маршрута, до которого ему надо было ещё пилить и пилить два дня скорым ходом через солончаки и выжженую степь, распугивая сайгаков и сусликов.

Дома Николая ждал сюрприз: оказалось, что дома больше нет. Выяснилось, что пока он в Йошкар-Оле обладал шансом, но так им и не воспользовался, узнать, чем же печёночный сосальщик отличается внешне от кошачьей двуустки, его родители развелись, разменяли свою большую квартиру и разъехались в две поменьше: отец в однокомнатную, мама, брат и комната Николая — в трёхкомнатную. Каким-то образом разузнав новый адрес мамы, Николай переместил к ней свои книжки и явился по этому адресу также и собственной персоной.

Последний раз родителей вместе Коля увидел уже на вокзале, когда они его провожали в обратный путь в Йошкар-Олу, где его ждал военкомат и бесплатный билет в новую интересную и увлекательную жизнь на ближайшие два года. Мама очень переживала, советовала носить шапку, как будто в армии её можно было не носить, просила чаще писать, по возможности звонить и, ради Бога, не попасть в Афганистан, хотя этот выбор был не за Николаем. Отец вспоминал свою армейскую службу; рассказывал, как правильно мотать портянки, ходить в караул, давал и прочие дельные советы, но чаще вспоминал разные забавные эпизоды из собственной своей армейской жизни. Зачем-то пустился в вос-

поминания о какой-то молодой черноглазой мадьярке, которая постоянно приходила и часами поджидала отца у забора войсковой части в тени платана. В итоге у Коли сложилось впечатление, что ему предстоит провести два года в чём-то среднем между пионерским лагерем, с играми в "Зарницу", и цирковым училищем, с обязательным прохождением курса акробатики, клоунады и меткой стрельбы на манер Вильгельма Телля. Кроме того, солдата в армии ждут захватывающие приключения и весёлые похождения. Интересно, нет ли у Коли в далёкой Бессарабии сводного брата или сестры? Но вот поезд тронулся, мама осталась на платформе, утирая платочком слёзы, а отец по провинциальной привычке ещё довольно долго бежал за вагоном и махал Коле в окно, к которому парень просто прилип, но поезд оказался быстрее, отец отстал, колёса застучали громче и понесли будущего защитника Родины по ночной загадочно молчаливой степи в сторону Куйбышева.

5

Через много лет Коля сочинит стишок, на манер Даниила Хармса:

Я вышел из дому давно,
Тому немало лет,
и не горит уже окно,
и дома больше нет.

Исчезли лавочка и двор,
и городок исчез,
стекла река под косогор,
и срублен тёмный лес.

Минул уже почти что век,
ну, пусть не век, а пол,
с тех пор как, странный человек,
я из дому ушел.

И вот я в пыльных сапогах
с улыбкой. И смешком
меня вы встретили. И - ах,
ответил я стишком:

"Пока я по лесу бродил
и всё глядел вперёд,
исчез не только Даниил,
пропал и весь народ!"

А этот стишок Коля сочинит в будущем памяти своего отца:

В портфеле моего отца растаял шоколад.
Отец спешил домой. В командировке

Он пробыл бесконечных две недели.
Отец летел, и под его крылом
Густые серебрились облака.
Он ехал на раздолбанной машине,
Густая к небу поднималась пыль.
А лето было безнадёжно жарким,
Деревья никли, плавился асфальт.
Отец вошел, и за его спиной
Теснились звёзды, солнце и луна,
Пыль Азии, ковыль и подорожник,
Полынь горчила и сладил чабрец,
И шли неторопливые верблюды,
И женщины закутывались в шёлк,
Мужчины громко брякали железом,
Кузнечики смешные стрекотали
И квакали весёлые лягушки.
Портфель он бросил на пол и в охапку
Схватил своих заждавшихся детей.
О, Господи! И как же мы смеялись,
Разглядывая жирное пятно
На жёлтой коже пыльного портфеля!
Портфель был брошен далеко на полку,
И там его на много лет забыли.
Он там лежал, пока не почернел.
А мой отец ушёл, не оглянувшись.
И на земле, столь горячо любимой,

продолговатым проступил пятном.

Эпизод с шоколадом произошёл, когда Коле было года четыре, и вся семья жила в так называемом "Зелёном доме" на улице Карла Либкнехта. Двор этого дома был отделён от остального пространства города высоким кирпичным забором, вернее, даже стеной. Единственные ворота, ведущие во двор, надёжно охранял милиционер, так что проживавшие в этом доме номенклатурные работники и их семьи могли не беспокоиться, что их постигнет советская действительность во всей своей красе. Но в этой стене было небольшое отверстие, сквозная выбоина, через которую легко проходили кошки и проползали четырёх-пятилетние дети. Николаю запрещали пролезать через эту дыру, чтобы его не украли цыгане, которые, действительно, часто ходили по улицам этой старой части города. Так вот, Коля специально часами лежал в этой дыре, ногами наружу, чтобы его цыгане украли, и тогда бы он отправился в странствие вместе с этим весёлым и свободным народом. Но цыганам Коля не понадобился. Возможно, они знали, что он ещё пригодится Советской Армии.

Когда Коле исполнилось пять лет, работу родителей — пединститут мамы и обком партии папы — перенесли в новую отдалённую часть города. Семья переехала в хрущёвскую пятиэтажку, так как папа не был особо придирчив в вопросах недвижимости и любил жить по-походному. Любимая его песня — "Прощай, труба зовёт, солдаты в поход, ко-

мандиры впереди". Не стал он мучить себя ожиданием, когда же построят и сдадут в благородном старом Жилгородке коттедж на две номенклатурные семьи, и переехал с семьёй в первое жильё, что освобождалось. Оказалось, что папа сделал прекрасный выбор с точки зрения создания комфортных условий для формирования характера своих сыновей и для того, чтобы им было что вспомнить из своего детства. На новом месте братья завели себе очень много колоритных друзей. Милиционер уже не охранял двор, в котором Коля прожил от пяти до двенадцати лет. Дело в том, что жители этого двора и ещё двух соседних совсем не нуждались в милицейской охране. Наоборот, весь город следовало защищать от некоторых резидентов этих дворов. Это были знаменитые "Дикие дворы" Актюбинска, народное название которых весьма красноречиво и отражает суть.

За окнами осенний жесткий дождь
Холодную по стеклам гонит воду.
А в комнате и сухо, и тепло,
Как и должно быть в мерзкую погоду.
И я дышу на хрупкое стекло,
И я гляжу на быстрые разводы, -
Земли размокшей малолетний вождь.
Мой старший брат за письменным столом
Раскрашивает контурные карты.
Соседний дом мне кажется слоном,

Ступающим по улицам Джакарты.
На толстой ветке жирный Пиночет
В одежде блеклой тусклого портрета.
А за стеною зажигают свет,
В соседней комнате отец шуршит газетой.
Забрел на север. Как? Не понимаю.
Слон покачнулся, зябок и простужен.
На кухне моя мама, напевая,
Готовит что-то вкусное на ужин.
Меж рамами, насупившись, комар,
Смешная мумия, задумчив и серьезен.
За окнами все движется кошмар,
Все длится, желчегонен и серозен.
И я не знал, что скоро все пройдет:
И дождь, и эта комната, и ужин,
И этот слон, шатаясь, пропадет,
И город будет никому не нужен.
И я достанусь людям незнакомым,
Шершавой точкой старой круговерти,
Задумчивым, застывшим насекомым
Меж рамами рождения и смерти.

Николай был ещё старшеклассником, когда в стране началась эпоха пышных похорон. Сначала умер Брежнев, но не внезапно, как многие думают, а видимо только после того,

как населению дали вдоволь насладиться просмотром "Лебединого озера", и вообще предоставили народу возможность увидеть и услышать много чего классически балетного и симфонического. Сначала это выглядело как поломка телевизора, потом подумали, что рухнула Останкинская башня и напоследок, уже при падении, она выплеснула в эфир своё самое дорогое, что имело, — записи советского балета. Степные жители с тревогой посматривали, не поднимаются ли на западе, там, где, говорят, была Москва, зловещие силуэты атомных грибов. Но горизонт был чист, и только с тихим шелестом перекатывались по замёрзшей ноябрьской степи 1982 года гонимые ветром ажурные шары перекасти-поля. Но потом соратники Брежнева оставили между собой ненужные споры, всё себе доказали, обо всём договорились и позволили своему невеликому, но звездоносному и добродушному кормчему тихо и мирно официально почить в бозе. Об этом и рассказали по телевизору, и тогда этот аппарат очнулся и перестал транслировать эротику в классической обёртке. Но балет только на время прекратился, чтобы с новой силой вспыхнуть в девяносто первом году, когда скончается уже всё государство целиком.

Коля помнил, как в школе, после скорбного известия о кончине Брежнева, всем дали задание явиться на следующий день с траурными красной и чёрной ленточками, пришпилив их к лацкану пиджака комсомольским, пионерским или октябрятским значком. Беспартийным ученикам надо было

воспользоваться обычной булавкой. Без ленточек в школу в этот день никого не пускали. На страже интересов среднего образования стояла высохшая как палка и чёрная как смерть Софья Кидырбаевна Кагашева, а эта женщина до этого, и потом долго ещё после, никого и никогда даже без сменной обуви в школу №3 не пускала, не то, что без ленточек. С осени по весну по утрам она стояла насмерть, перегородив вход в школу, а в это время за углом из окна мужского туалета то и дело вылетала одна и та же пара задрипанных кедов, которые пацаны подбирали по очереди предъявляли этому Церберу об одной засушенной голове.

Ленточки так ленточки, да где их взять? Пришлось Коле пустить на эти самые ленточки старое красное платье мамы и чёрные брюки отца, которые, как потом оказалось, ещё не были старыми.

7

И вот вожди то назначались, то умирали, потом назначались вновь, а Коля доучивался и мечтал о разных романтических вещах. Например, о дальних морских походах. Дважды он перечитал собрание сочинений Станюковича и уже прекрасно знал, какие команды на парусном судне во время кругосветного похода надо отдавать капитану, если вдруг маленькое облачко на горизонте начнёт стремительно расти.

В школу приходили агитировать в военные учебные заведения. Наслушавшись красочных рассказов бывалых муже-

ственных людей, Коля решил стать военным.

Сначала школьник надумал стать пилотом вертолётa, так как ему очень понравился рассказ о военном вертолётном училище в Саратове. Это недалеко от Актюбинска, один прикаспийский водный бассейн, одно дно древнего Хвалынского моря. И учиться на вертолётчика совсем не долго, всего три года. Было сказано, что после окончания Саратовского вертолётного училища многие выпускники попадают в Афган, но это не страшно и совсем безопасно, так как на сейчас на этой войне небо всё целиком наше: у "духов" нет оружия, которым можно сбивать грозные советские летательные аппараты. Но потом, поразмыслив, Коля от этой идеи отказался, так как не захотел в будущем расстреливать как в тире каких-то незнакомых и ничего ему плохого не сделавших бородатых людей в старых халатах, — ему по душе была борьба на равных.

Однажды в школу пришёл пожилой человек в белой парадной форме и рассказал о военно-морском училище радиоэлектроники имени Попова, что в Петродворце. Коля тут же загорелся идеей украсить себя ленточками и якорьками, — ещё бы, ведь морская форма во все времена нравилась девушкам, а Коля на всё готов был пойти ради прекрасного пола. Училище в Петродворце, кроме военной, давало ещё и полезную гражданскую специальность инженера-радиоэлектронщика. Этот бонус был не только приятным, но и хорошо сочетался с тогдашними увлечениями Николая: он за-

поем читал "Занимательную физику" Перельмана, "Физику для всех" Ландау и Китайгородского, переводной трёхтомник "Физика для любознательных" Эрика Роджерса, учебники брата-студента и массу научно-популярных книжек и журналов. По вечерам Коля что-то паял, поэтому от него всегда немного пахло канифолью, и пальцы его рук часто бывали обожжены. Свои упражнения с паяльником он всегда доводил до конца и становился счастливым обладателем то невзрачного ящика, который, при подключении к магнитофону, превращался в светомузыкальную установку, полихающую яркими разноцветными огнями и переливавшимися в такт опусам Deep Purple и Uriah Heep, то вдруг на столе у него оказывался самодельный радиоприёмник, который, потрескивая, разговаривал непонятными, похожими на птичий, языками жителей каких-то далёких экзотических стран.

Профессия моряка хорошо соответствовала романтическим представлениям Коли о чудесном, которые он почерпнул при чтении книг о путешествиях, а также из научно-фантастических рассказов и романов. В двенадцатилетнем возрасте Коля обратил внимание на многотомник Жюль Верна пятидесятых годов издания и прочитал все эти толстенные книжки от корки до корки, пренебрегая выполнением школьных домашних заданий. До этого так же подробно и систематически Коля читал только восемнадцать синих томов полного собрания сочинений Чехова (двенадцать томов писем того же издания школьник читать не стал, так как

считал, что чужие письма читать нельзя). Вслед за Жюлем Верном последовали Беляев, Лем, книжки современной американской фантастики и, конечно же, братья Стругатские, произведения которых просто потрясли Колю начиная с выходившего сериями в журнале "Знание-сила" романа "Жук в муравейнике".

Таким образом, Коля рос очень любознательным и романтически настроенным юношей. Однако обязательные школьные учебники Коля открывал с отвращением. Всё, что касалось школы, вызывало у него сильнейшее отторжение, а первое сентября многие годы уже после получения аттестата о среднем образовании всегда было тем днём, когда хоть на минуту, но находила на Николая тоска и посещало неприятное чувство тревоги и сосания под ложечкой. О том, что Коля неохотно посещал школу говорит, например, такой его стишок:

В провинции империи, давно почившей в бозе,
тому назад лет сорок, при небольшом морозе,
в степи Центральной Азии, в рабочем городке
я вышел из подъезда в предпраздничной тоске.

Отправился я к школе из жёлтого бетона,
чтоб вместе с классом строиться в отдельную колонну.
Ведь праздник был ноябрьский, число было седьмое,
и было нам назначено ходить в то утро строем.

Крупа с небес колючая секла лицо и руки,
и ветер дул пронзительный, холодный и упругий,
но праздник обязательный на площадь выгнал жителей,
толпу собрав знамённую, с портретами правителей.

Мы шли перед трибунами, на них стояли в шляпах
и ручкой всем нам делали фигуры в чёрных драпах,
секретари с доярками, большие дяди с тётями,
колхозно-пролетарские, народа плоть от плоти.

Зачитывали лозунги в охрипший репродуктор.
У одноклассниц розовым цвет щёк был в это утро,
и волновала девичья заснеженная прелесть
сильней, чем вся советская изношенная ересь.

Когда волной мы схлынули, покрыв собой всю площадь,
у магазина винного увидел я попроще
скопление народное, - дрались там два трудящихся,
а рядом возбуждённая толпа была гудящая.

Дрались они старательно, по морде и с оттяжкой,
и от ударов падали тела на землю тяжкие,
и было удивительно, что с высоты такой,
мужик всё время падает, а всё равно живой.

И чаще дядя падал тот, что был повыше ростом,
и выражался матерно, затейливо и остро,
и вся эта выносливость была вполне уместна
в холодный день ноябрьский, и в праздничек советский.

Но этот стишок Коля сочинил значительно позже, а сразу после школы, но уже после поступления в Марийский университет в городе Йошкар-Ола, он сочинил вот это:

Моя замызганная родина,
Мой город серый и больной,
Твои уроки ныне пройдены,
Но не забыты они мной.

Я помню, как иссохшим выменем
Меня пытался ты вспоить,
Но никогда не звал по имени
И не давал свободно жить.

Из этого текста следует, что Коле не нравилось, когда в школе его называли только по фамилии, а не по имени, и что уроки учить он не любил, но их содержание запоминал надолго.

Десятиклассник Коля с целью поступления в военное училище прошёл подробнейшую медкомиссию, сделал даже рентгеновский снимок черепа, чтобы доказать его ин-

тактность и целостность. Видимо, пробоины в голове были неуместны для будущего военного моряка, которому придётся иметь дело с солёной водой мирового океана, которая через эти дыры могла бы затечь в офицерскую голову и повредить полезное содержимое. Результаты медицинского обследования, приписное свидетельство, свидетельство о рождении и даже паспорт были Колей положены в красивую папку с завязочками отнесены им в Актюбинский военкомат, учреждением этим документы у Коли были изъяты, а взамен будущему покорителю и хозяину морей выдали направление на экзамены в училище имени Попова и даже бесплатный проездной документ на поезд. Оставалось только дожидаться получения аттестата о среднем образовании, а так вся официальная жизнь и медицинская подноготная Коли уже принадлежали могучей и непобедимой Советской Армии.

8

И вдруг Коля осознал, что, выбрав себе профессию моряка, он совершил большую глупость и ошибку, которая может сильно испортить будущее не ему, но всему человечеству. Дело в том, что среди многих увлечений Николая была ещё и биология с примкнувшими к ней медициной и химией. Критически рассмотрев теорию Дарвина, пытливый юноша сообразил, что этот старикан не заметил очень важный эволюционный фактор, а именно то, что превратило британского мыслителя из молодого энергичного естествоиспытателя

теля и путешественника в бородатого лысого старикашку, вид которого всем знаком по картинкам в энциклопедиях или учебниках. Старение — вот важный фактор эволюции, который миллионы лет подряд безжалостно смахивал с шахматной доски всего живого как крупных игроков, так и всякую мелкую сволочь типа Бжезинского. И так как человечество успешно справилось и победило в самом себе борьбу за существование и естественный и даже половой отбор, и уже перешло к мирному и альтруистическому сосуществованию человеческих особей, то для всеобщего счастья осталось лишь победить старение. Именно открытый Николаем новый фактор эволюции, по мнению этого пытливого школьника, был причиной всех болезней и главным недугом человека. В прежние эпохи старение было необходимо для биологического прогресса, но с появлением разумного существа этот фактор эволюции представляется излишним, и от него необходимо было избавиться. Но так как миллионы лет старение было полезным и вело развитие животного мира к своему зениту — человеку, то в силу этой прежней полезности механизм данного явления должен быть закреплён генетически. Таким образом, ещё школьником Коля догадался, что в человеке с рождения включена и тикает скрытая от глаз и неосязаемая генетическая бомба, которая неизбежно должна взорваться и уничтожить каждого субъекта, как бы он ни старался регулярно делать зарядку, правильно питаться, ходить на йогу, эспиджи и массаж, и вообще вести себя хоро-

шо. С первого дня жизни каждый приговорён к смерти, об этом думали и писали философы всех времён и народов. И только в наше время, с открытием материального носителя генетической информации, ДНК и РНК, появилась возможность найти в геноме зловердные наследственные факторы старения и вырвать их с корнем. И как, по-вашему, можно было бы Коле, раздетому в пух и прах в красивую форму с якорьками, невозмутимо бороздить просторы морей и океанов, в то время как всё человечество, твои близкие и ты сам подвержены старению и медленно, но неуклонно гибнут? И десятиклассник с трудом, но преодолел в себе юношеский эгоизм и желание покрасоваться перед девочками в морской военной форме, а также подавил тягу к странствиям, которая в нём жила ещё с того момента, когда он четырёхлетней мечтал, чтобы его украли цыгане.

Убив в себе военного моряка, Коля тут же помчался сообщить об этой любопытной новости товарищам офицерам в военкомат. Конечно же, он был уверен, что те с радостью вернут ему папку с документами и пожелают удачи в борьбе со старением, а потом будут с нетерпением ждать момента, когда можно будет воспользоваться плодами Колиных научных разработок. Однако в военкамате Коле сказали, что всё, капец, мосты сожжены, и снимок черепа ему уже не принадлежит, и сам он, Коля, и его паспорт, и приписное свидетельство и даже свидетельство о рождении теперь являются собственностью отцов-командиров. И что Коле надо идти прямо

сейчас подальше, чтобы там, на расстоянии и свежем воздухе, побольше бегать и подтягиваться на турнике, отжиматься на брусьях, а потом с блеском сдать физический минимум на вступительных экзаменах. И что место в кубрике на одной из подводных лодок для Коли уже зарезервировано.

Для другого, менее настойчивого парня этих слов, да ещё и одобренных непечатными русскими выражениями, было бы достаточно, чтобы моментально покинуть военкомат и отправиться на автобусную остановку для

отбытия домой по пятнадцатому маршруту, но Коля только улыбнулся и произнёс очень длинную лекцию, в которой добрым словом помянул и Дарвина, и Ромула и Рема, и галапагосских выюров, и волосатого человека Фёдора Адриановича Евтихиева, и естественный отбор, и половой отбор, и борьбу за существование; рассказал он и о роли настольного тенниса в открытии двойной спирали Уотсоном и Криком, и об энтропии, и о тепловой смерти вселенной, и о седине товарища полковника, и о том, что не долго ему ждать поездки на кладбище, как этому достойному офицеру кажется; рассказал про Берга и Шмальгаузена, и о новейших открытиях молодых советских академиков Спирина и Овчинникова, и о рибосомах, и о симбиотической теории происхождения митохондрий, и о роли свободных радикалов, и о том, при какой температуре начинает происходить активная апуринизация ДНК, и о супероксиддисмутазе, и о прогерии, и о многом другом. Услышав это, товарищ полковник взглянул на

себя обеспокоенно в зеркальце, которое достал из верхнего ящика письменного стола, проверил, насколько у него прибавилось седины и как глубоки морщины, а потом велел дежурному принести личное дело призывника Васильева. Когда папка легла к нему на стол, полковник вынул из неё снимок черепа, внимательно рассмотрел его на фоне включённой электролампочки, положил рентгеновскую плёнку обратно в папку, тщательно завязал тесёмочки и подвинул документы к той стороне стола, у которой сидел Николай. И при этом "полкан" не произнёс ни слова. Коля взял в руки папку, положил на стол проездной документ и направление, вежливо сказал: "До свидания", не по-военному, не лихо и не через левое плечо повернулся спиной к полковнику, затем вышел из кабинета, тихонько прикрыл за собой дверь и покинул военкомат, чтобы стать навсегда биологом.

9

Хотя Коля и отвернулся от армии, но армия о нём не забыла. Она разыскала его в Йошкар-Оле и призвала в свои ряды при помощи небольшой бумажки с машинописным текстом.

Студентов после первого курса стали призывать в армию из-за общего нездоровья великой страны, для лечения которой потребовалось побольше солдат. Опять Коле, как и в десятом классе, пришлось пропускать занятия, бегать в военкомат, отмечаться, проходить медкомиссию. Зато приписное свидетельство ему, как взрослому, заменили на военный билет.

Последние пышные похороны, на этот раз меткого пулёмчика Черненко, состоялись как раз в разгар обучения Коли на первом курсе в Йошкар-Оле. Почивший ли Константин Устинович решил перед смертью призывать студентов в армию или свеженький Горбачёв, Коле было всё равно. Пришла повестка, прошёл медкомиссию, и вперёд, пользуясь шансом отслужить со своим призывом, в своей возрастной группе.

Собрали поминальный митинг. Тёплые слова о скончавшемся Черненко сказал заведующий кафедрой зоологии, старенький учёный с сомнительной для России биологической фамилией Вейцман. Рассказал, как он работал вместе с Черненко в Молдавии, и этот руководитель чем-то практическим и важным поддержал учёного, в те времена молодого, в его стремлении вывести советскую закалённую породу цесарок.

Покончив с официальной частью выступления и сказав о покойном хорошо, профессор углубился в воспоминания о личном научном пути по скрещиванию и отбору стойких советских птиц цесарского достоинства. Рассказал, как добивался морозоустойчивости этих южных по происхождению пернатых, приучая их к жизни на снегу и на холодной. Старичок процитировал собственные стихи, из которых Коля запомнил:

Белые птицы на чёрной земле,

Чёрные птицы на белом снегу.

Опыты по закаливанию цесарок профессор проводил в Сибири. Возможно, именно Черненко помог Вейцману перебраться из тёплой Молдавии за Урал. "Да, помотало старика", — подумал Коля.

Вейцман рассказал, что разводить цесарок наконец-то начали и на птицефабрике под Йошкар-Олой. Но производство это висит на волоске, так как благородные птицы едят много, но яиц несут мало. Та же история и с мясом. При равной закупочной цене с куриными, яйца и мясо цесарок оказываются нерентабельным. Но это вовсе не недостаток цесарок как сельскохозяйственного вида, а следствие архисерьёзного изъяна некоторых людей, облечённых властью. Которые дошли до стадии "есть", но далее не продвинулись.

Как далее пояснил патриарх русской биологии, существуют три способа насыщения: жрать, есть и кушать. Стадию "жрать" наши вожди благополучно миновали и дошли уже до стадии "есть", но до этапа "кушать" никак не дойдут. А яйца цесарок можно только кушать. Поэтому и цена этих яиц должна быть другой, поболее куриной. То же самое и с людьми. Есть люди, подобные куриным яйцам, а есть — подобные яйцам цесарок.

Далее старичок пустился в подробное описание преимуществ яиц любимых им пернатых, исходя из того, сколько приходится на сто граммов продукта витаминов, белка, жи-

ров и углеводов в яйцах благородных птиц в сравнении с плебейскими куриными.

И в заключении профессор сказал, что тогда, в Молдавии, будучи ещё молодым партийным руководителем и недавно демобилизованным пулемётчиком, Константин Устинович Черненко эту разницу между куриным и цесариным понимал очень хорошо. Что-что, а в практике искусственного подбора бывший пулемётчик должен был хорошо разбираться.

Коля подумал, что у советских граждан, как у цесарок, вырабатывали морозостойкость при помощи Сибири.

Прекрасная надгробная речь о единственном вейсманисте в руководстве СССР была встречена аплодисментами. Затем зал по предложению профессора почтил память генсека минутой молчания и вставанием, а после все разошлись в разные стороны по своим делам.

10

Траурный митинг проходил в актовом зале главного здания МарГУ в самом центре Йошкар-Олы, там, где на площади стоит памятник Ленину в кепке, а вокруг него сосредоточены оперный театр, университет и гостиница "Центральная". В одном квартале от храма науки находился городской парк, а за ним, если перейти дорогу и пройти ещё мимо двух-трёх домов, а потом повернуть направо, непременно окажешься на улице имени композитора Якова Эшпая и уви-

дишь розовое здание общежития, в котором жили Коля и другие его однокурсники из числа приезжих.

Коля и Наташа после митинга вышли на площадь, и увидели они, что погода была хороша, мороз уменьшился, а из-за туч выглянуло солнце. Решили не ждать автобуса и пройти до общежития пешком. Радовало, что дорога шла через парк, можно было в нём задержаться, побродить по аллеям.

— Тебе жалко Константина Устиновича? — спросила Наташа Колю и посмотрела на него своими большими синими глазами. На ресницы Наташи, на её пушистую вязанную шапочку ложились редкие, но очень большие, ажурные, шести-гранные марийские снежинки. Солнечные лучи преломлялись на хрупких кристалликах замёрзшей небесной воды, и казалось, что и шапочка, и пальто, и тёплые варежки, и толстая коса Наташи, свисавшая из-под шапочки вдоль её спины до самой попы, — всё покрыто весёлыми разноцветными искорками.

— Конечно, жалко! - ответил Коля, кладя правую руку на талию девушки и любуясь искорками.

Коля привлёк Наташу к себе поближе. Девушка положила голову на ухо парня. На плечо Николая свою голову она не могла положить, так как была одного с ним роста, если не выше. Шапочка, волосы девушки и большой пушистый песцовый воротник её пальто прямо щекотали ухо, правую щёку и шею Николая. Несколько искорок свалились первокурснику за шиворот, попали ему прямо на голую спину и тихонько

кольнах, разрядили свой маленький запас солнечной энергии, слегка обожгли огнём и холодом кожу в нескольких местах. От щеки девушки, от всего её тела, прижимавшегося к Коле справа, шло сильное, равномерное тепло. В брюках студента стало теснее и что-то заняло там в низу.

Молодые люди неторопливо прошли, прижимаясь друг к другу, один квартал от главного здания университета до парка, и затем свернули налево и вошли через большие белые ворота в парк, а потом, нога за ногу, медленно побрели вдоль главной аллеи. Когда же они прошли весь парк до конца, то развернулись и двинулись по той же аллее в обратном направлении. В брюках Коли по-прежнему было тесно, сохранялась тянущая слабая боль, но это было терпимо и даже приятно.

— Ты знаешь, — сказала Наташа, — что этот парк построен прямо на месте старого кладбища? Мы идём по могилам. Под нами лежат мёртвые люди.

— Да, я слышал об этом, — ответил Коля. — В начале образования СССР во многих городах сносили старинные кладбища с их дворянскими и купеческими могилами, и даже могилы обычных людей почему-то не щадили. Часто разбивали на этих местах парки. Вот и этот такой же. Может быть это диалектика жизни, новое идёт на смену старому. Я помню одну картинку в "Литературной газете", графический рисунок одного литовского художника. Нарисован силуэт молодой женщины, лежащей на траве и кормящей гру-

дью младенца. Мать и дитя. А под травой, под слоем земли, в толще чёрного грунта белыми штрихами не очень отчётливо изображено тело покойника, уже почти разложившегося. Художник хотел передать диалектику жизни, смену поколений, старого новым. Но я думаю, что старение и смерть человек в силах обуздать. Тогда молодость будет длиться долго, если не вечно.

— Люди продолжают в детях. Ты любишь детей? — спросила Наташа.

— Конечно, очень люблю!

— Я хотела бы родить не меньше троих. И ещё взять нескольких из детского дома. Знаешь сколько брошенных, обездоленных детей? Очень много, хотя мы и живём в мирное время. Люди пьют, дерутся, убивают друг друга, а дети страдают, остаются без родителей. Или совсем молодые мамы от отчаяния оставляют деток прямо в роддоме. А есть ещё больные дети. Родится ребёнок без ручки или без ножки, даже без одного пальчика, и находятся такие безжалостные люди, что бросают собственных больных мальчика или девочку на произвол судьбы и на попечение государства. Или в тряпку младенца завернут и на мусорку, на мороз. Откуда в советских людях такая жестокость? Мы ведь строим самое справедливое и гуманное общество, на нас смотрит весь мир, а тут такая картина. Чему мы можем научить всех остальных, если у нас есть брошенные дети?

— Может быть за границей ещё хуже? — предположил

Коля. — По телевизору иногда показывают, как там целые толпы ходят, бьют витрины, машины переворачивают и поджигают. Конечно же, эти люди бросают своих детей, чтобы потом бегать по улицам и всё крушить. У нас такое невозможно.

— А вдруг назначат после Константина Устиновича какого-нибудь злого и жестокого человека? Или глупого. Надевает он дел. И у нас будут потом бегать по улицам.

— Ну что ты, такого не может быть. Похоронную комиссию возглавил Михаил Сергеевич Горбачёв. Ещё когда был жив Брежнев, в Актюбинске наш сосед по лестничной клетке режиссёр театра русской драмы Альфред Григорьевич Халёбский, папа нашей с тобой однокурсницы Иры, говорил, что он давно наблюдает за Горбачёвым и мечтает, чтобы его выдвинули следующим генсеком. Михаил Сергеевич умный и образованный, а главное — молодой. Но назначили Андропова, потом Черненко. А теперь, наконец-то, генсеком всё-таки будет Горбачёв. Надеюсь, он не подведёт.

— А тебе Ира нравится? Ты ведь из-за неё приехал в Йошкар-Олу и поступил в наш университет? У неё такая красивая коса, хорошая фигура, глаза большие.

— У тебя тоже коса, фигура и глаза. И люблю я именно тебя. А у Иры даже компания другая, ты же видишь, мы с ней почти не общаемся.

— Может быть ты её раньше любил. А теперь вы расстались. Но вы до сих пор с нею вместе ездите в свой Актю-

бинск. Едете в одном купе. Гуляете в Куйбышеве.

— Она моя соседка, давнишняя знакомая. Я к ней хорошо отношусь, люблю её как сестру. Да, она мне рассказала про Йошкар-Олу, о факультете. Мне очень понравились её истории, я тоже захотел здесь учиться.

— Всё это очень подозрительно. Мне хочется тебе верить, но не получается. А с Таней зачем ты любезничаешь? И с Верой? И та, другая Наташа, из пединститута, англичанка, ходит всё время к вам в комнату. Думаешь, я не знаю, к кому она ходит? Книжку тебе подарила, подписала "from your devoted friend". Я знаю, что ты бываешь у неё дома в гостях, ходишь к ней на квартиру в Сомбатхее.

— Мы к ней с Петей ходили в гости. Она всю комнату нашу приглашала.

— Петя был для отвода глаз. Я знаю. И ещё, ужасная, невозможная вещь. Я видела, как ты ехал по коридору верхом на этой Наташе и оба вы глупо и пошло смеялись!

— Это была шутка, такая игра. Наташа сильная, спортивная девушка. Просто был спор.

— Ничего себе игра! Эта Наташка просто бесстыжая. И ты тоже!

— А этот парень с усиками? Я вас два дня назад видел вместе у входа в общежитие. Стояли, разговаривали. Он держал тебя за руку. Потом вы пошли куда-то. Гуляли здесь по парку, пирожки ели.

— Ты что, следил за нами?

— Нет, мне надо было в ту же сторону идти, в трансгентство, узнать насчёт билетов. Вот я вас и увидел.

— Это Серёжа, сын друзей нашей семьи. Они нам дали кров, когда горели леса под Йошкар-Олой. Знаешь, какие были здесь страшные пожары? Мы еле спаслись. Серёжины родители нам очень помогли. Мы дружим семьями. Серёжка такой смешной! Однажды я ему подарила перочинный ножик, и он потом везде буквы вырезал: $H + C = L$. Я была тогда маленькой и Серёжа тоже маленький, всего на три месяца меня старше.

— Был маленький, а теперь большой. С усами. Пирожки с тобой ест.

Наташа вырвалась из объятий Коли. Топнула расшитым красивыми узорами валеночком.

— Я сейчас рассержусь и не буду с тобой разговаривать. Немедленно прекрати! Если хочешь знать, то мне сделал предложение Василий Семёнович, с экономического факультета, который у нас историю КПСС преподаёт. Он молодой, но у него есть в Йошкар-Оле собственный большой дом недалеко от университета, гараж и машина "Жигули"!

— И ещё лысина и противный голос. Какой он шустрый, этот препод. Я с ним поговорю.

— Не смей! Это не твоё дело! На меня многие обращают внимание! Да, я не обделена вниманием. А ты только тренируешься со мной. Я знаю, что ты со мной только из любопытства или из-за физиологического влечения, а о том, что-

бы сделать мне предложение, даже и не думаешь!

— Разве я не делал тебе предложение? Мы всё время об-суждаем, какая у нас будет семья, сколько заведём детей. Я тебе говорил, что люблю. Я не сомневаюсь, что мы поженим-ся. Вот отслужу армию, закончим университет...

— Это сколько же лет надо ждать! И зачем ты в эту армию собрался? Ты студент, выбросил бы повестку, да и всё. Неко-торые так и сделали. Берут только тех, кто сам приходит. Ду-рачков самых. А умные учатся. И никакого ты предложения мне не делал! Что любишь, сказал. Но предложение так не делают! Это по-другому делается, красиво. А ты мне даже цветы только два раза подарил, по официальным праздни-кам, на день рождения и на восьмое марта. Никогда не пода-ришь просто так, чтобы порадовать, сделать приятное.

— Зачем зря уничтожать цветы? Это живые организмы. На них надо смотреть и любоваться на клумбах в парке, где-нибудь в лесу, в поле, в саду. Зачем рвать, мучить?

— Растения ничего не чувствуют.

— Они ничего не говорят. Рыбы тоже молчат, но как му-чаются, когда их выуживаешь крючком. Как дрыгаются. И потом, разве нам с тобой просто так не приятно, когда мы вместе?

— Какой ты скучный! Знаешь, о каком парне я мечтала?

— Не знаю. Но если ты со мной, то думаю, что о таком как я.

— Какой у тебя рост?

— Метр семьдесят два.

— Ты за этот год не подрос?

— Я с восьмого класса больше не расту. Ты ведь знаешь, я занимался борьбой, тяжести поднимал. Это угнетает зону роста в костях. Если бы я прыгал, скакал, то мог бы ещё подрасти.

— Мужчины растут до двадцати восьми лет. Может быть, ты в армии немного подрастёшь. Многие парни возвращаются из армии рослыми, статными, возмужавшими.

— Хорошо, я буду в армии прыгать и скакать. Вернусь рослым, сильным, возмужавшим. А ты меня будешь ждать? Писать письма? Или замуж пойдёшь за этого Василия Алибабаевича по истории КПСС с гаражом и лысиной или за Серёжу с усами? Серёжа высокий, может уже не прыгать. Допрыгался уже.

— Какой ты злой! Конечно, буду писать. Воинов надо поддерживать на службе. Я даже других девушек из нашей компании попрошу, чтобы писали, и тебе, и Пете, и всем-всем!

— Спасибо за заботу! У меня к тебе просьба, когда я уже буду в армии, сходи в фотоателье, снимись, пришли мне карточку.

— Будешь хвастать, какая красивая у тебя девушка?

— Никому не покажу. Положу в карман гимнастёрки и буду носить у сердца. А ты будешь слышать и чувствовать его биение за тысячи километров. А как ты сблизилась с этим Алибабаевичем?

— Ничего мы не сблизились. Работаем вместе по общественной линии, я ведь комсорг. Может быть, ему мой пирог понравился...

— Ты ему уже и пирог пекла?

— Я приносила выпечку на комсомольскую летучку. Все там ели, не только Василий Семёнович. Кстати, не называй его больше Алибабаевичем, ладно? Это невежливо так за глаза говорить о человеке, и мне неприятно.

— Я об этом человеке совсем не хочу ни думать, ни говорить. А ты помнишь, какие странные вещи он говорил на семинаре?

— Какие вещи?

— Говорил, что царю Николаю Второму надо было медаль дать за то, что он развалил Российскую Империю. И что Петр Первый большой молодец, потому что сильно улучшил кровь марийского народа. Что заводил царь своих гренадёров в марийские деревни, солдаты там ночевали, любили девушек и потом у них рождались улучшенные экземпляры детей.

— Но ведь и правда, раньше в деревнях жили очень изолировано, были близкородственные браки. На одно улице — все родственники, с одной фамилией. Приток свежей крови был жизненно-необходим, чтобы наш народ не вырождался. Ты как биолог и человек, интересующийся и изучающий генетику, должен это понимать. У некоторых народов принято даже жён уступать на ночь гостю издалека. Иначе бы эти на-

роды вымерли без притока свежей крови. В те времена люди редко переезжали на большие расстояния, сидели на месте, вырождались. А сейчас по-другому, все ездят. Вот ты к нам приехал из далека, из Казахстана. Наверное, и не знал, что есть такой город Йошкар-Ола. Пока тебе твоя Ирочка не порассказала. И ты помчался за ней, не вынес разлуки.

— Да, я специально приехал сюда улучшать местную породу людей. Но оказалось, что не вышел ростом, переоценил свои возможности.

— Ты зря обиделся! Я просто привыкла к обществу высоких мужчин. И сама я высокая. У меня высокий папа, метр восемьдесят пять, брат метр девяносто. Представь, вот придёшь ты к нам в гости...

— А они мне: "Привет, малыш! Где твоя мама? Ты потерялся?" А я отвечу: "Здравствуйте, дяденьки! Я уже не малыш, я новый парень вашей Наташеньки". А они натрут мне морковки, дадут поесть витаминного салата, схватят за руки и за ноги и начнут растягивать. Но перестараются и растянут меня очень сильно. И я им откуда-то сверху скажу: "Привет, карапузы!" А своим ногам скажу, как Алиса в Стране чудес: "До свидания, ноги!"

— Какой ты глупый! Но правда ведь, тебе будет неловко среди высоких. Я о тебе беспокоюсь. И что это ещё за такое, "новый парень"? Просто парень. Любимый.

— Хорошо, что ещё любимый. А то я уже начал сомневаться после всех этих пирогов, пирожков, усов, и лысин.

— Всё, хватит! Ты просто издеваешься! Не хочу тебя ни видеть, ни слышать! Отстань!

И Наташа побежала по улице Якова Эшпая к розовому общежитию. Искорки с неё так и посыпались.

В эти дни Коля сочинил стишок:

Что случилось с миром?

Стал он свеж и юн,

Словно вдруг открыл он

Слово то: "Люблю!"

Словно зажурчали

Вешние ручьи,

Словно повстречали

Девушки. Ничьи.

И ещё сочинил, по случаю морозной погоды:

Зима по свету белому шагает,

Держа в руках морозящую кисть.

Вокруг всё звёздным блеском озаряет.

В творенье ловких рук её всмотришь:

Увидишь ты ручей весёлый резвый,

Услышишь эхо летнего дождя,

А может, в памяти твоей воскреснут

Мечты, что в детстве были у тебя.

И ещё:

Зелёным флагом тополей
шумит тенистая аллея
и я шепчу себе: "Скорей,
чуть задержусь - и не успею!"

Скрипит под каблуком песок
и ветер круче руки крутит,
и я, как слабый лепесток,
я разорвусь сегодня грудью.

Приду, букетом упаду
тебе на тёплые колени,
под запах яблоней в саду
рассыплюсь, разметая тени.

Но скажешь ты: "Прошла весна!",
и, отряхнув цветы букета,
уйдешь, пьянея без вина,
в чертог безоблачного лета.

А потом:

Дышит юный вечер
Тишиной такой,

Зажигают свечи
Радость и покой.

Всё, что было трудно,
Вспомню-усмехнусь.
Утонуло судно,
В нём - тоска и грусть.

Волны разметали
Лодки-корабли,
В призрачные дали
Дни тревог ушли.

Но осталась память.
Сердцу не остыть.
Дней не переставить,
Лет не возвратить.

А потом еще немного:

Утро подарит мне день,
Вечер подарит мне ночь.
Небо, налитое всклень,
Теплый уронит свой дождь.

Ветер порвет облака,

Солнца мне явится луч.
Пусть неудачлив пока,
Верю, я стану везуч.

На этом Коля не остановился и ещё накропал:

Взмывает грусть на крыльях чистых песен,
вздымает грудь полночный океан.
Бреду один, тебе не интересен,
но лишь тобой заморожен и пьян.

Мелькают дни былинками вдоль тропок,
Была ли ночь? Иль просто липкий мрак?
Поймёшь меня - я стану нежен и кроток.
А не поймешь - осыплюсь я, как мак.

Я облечу, покрыв собой все тропы,
чтоб ты могла пройтись как по ковру,
спеша в объятия пошлого укропа,
отбросив прошлое в объятия костру.

И алый мак, под звуки чистых песен,
не зная зла, в тоске своей не нов,
в любви своей тебе не интересен,
уйдёт один в лохмотьях старых снов.

И ещё сочинил, как будто его прорвало:

Сплетаются в года мои мгновения,
За памяти несутся горизонт.
Вот день прошёл, за ним - заря вечерняя,
И солнце дня другого день взорвёт.

Вот мальчик на дороге сном расстеленной,
То детство от меня спешит уйти.
С ним птицы улетають, те, что пели нам,
Когда мы так мечтали подрасти

Но если вдруг от искренности берега
меня потоком буден отнесёт,
я знаю, мальчик тот, с глазами серыми
протянет руку и мечту во мне спасёт!

На этом Николай не остановился и записал на клочке бумажки, которую потом потерял и стишок уже никогда не вспомнил:

Ночь над миром. Луна над волной.
Лодка лёгкая в лунной дорожке.
Где ты, друг мой? Плыву за тобой,
Дни сдувая серебряной крошкой.

Подо мною шумит океан,
Море юности весело плещет.
Я мечтами о будущем пьян.
Моя лодка крепка и без трещин.

Слышу голос твой в плеске волны,
Образ твой над серебряным морем.
Дни мои сладкой думы полны,
Пенью ветра я весело вторю.

Где же свидеться нам суждено?
И когда наши встретятся волны?
Но пока только знаю одно:
Будут дни наши радости полны.

И когда заштормит океан,
Мглой свинцовой нас небо придавит, -
Рассмешит нас любой ураган,
Встанем крепкими мы берегами.

Словом, сочинял наивные стишки, отражающие возраст, пол, , социальный статус, семейное и материальное положение автора. Всё как обычно, как всегда.

из Актюбинска в Йошкар-Олу и вошёл в пустую комнату общежития на улице имени композитора Эшпая-отца. Комната на четыре студенческих лежачих места была пустой, так как товарищи и однокурсники Николая уже разъехались защищать Родину в разных направлениях, кто на Северный флот, кто в Камбоджу воевать с красными кхмерами.

Николай лёг на кровать и повалялся некоторое время на спине, глядя в потолок. Попытался придумать осмысленный план действий на день, но ничего дельного в его коротко остриженную голову не приходило; он постригся под ноль сегодня утром в парикмахерской железнодорожного вокзала, когда приехал на электричке из Казани. Вернее, сначала план у него был, и он заключался в попытке помириться с Наташей, но эта миссия уже успела провалиться.

Когда он поднялся сегодня на этаж, занимаемый их факультетом, решительный и стриженный, то сразу же направился к двери, за которой находилась комната Наташи.

С Наташей они не разговаривали уже три месяца. Встречая её, Коля здоровался, а девушка отворачивалась и лишь изредка на людях кивала в ответ.

Итак, Коля подошёл к двери комнаты Наташи, немного постоял около неё, прислушиваясь и принюхиваясь. Сердце Николая так бешено стучало, что призывник даже придержал его рукой. Постучал. Дверь открылась, за нею показалась вся взъерошенная, заспанная и зевающая, черноглазая Кристина, родом из Молдавии, и сказала, что все девочки из

Марий Эл, и Наташа тоже, разъехались готовиться к экзаменам по домам, и теперь в комнате осталась только она одна, Кристина, так как её дом далеко, в Тирасполе. Потом Кристина попыталась рассказать, к какому предмету она сегодня планирует начать готовиться, если только выспится как следует, но Коля не стал выслушивать её многословный монолог до конца, сказал девушке: "Ну, пока! Удачи!" и ушёл в свою комнату.

Полежав на кровати и не найдя ничего интересного на потолке, Коля решил, как и Кристина, поспать. Тем более, что он действительно устал с дороги. Коля сбросил на пол подушку, вытянулся на спине, скрестил на груди руки, расслабил все мышцы и в этой позе заснул. С подушкой он обошёлся так безцеремонно потому, что где-то вычитал, что без этой постельной принадлежности человек высыпается за более короткое время. А мышцы он всегда перед сном расслаблял как приверженец восточных единоборств.

Ему приснился странный, как у Веры Павловны, сон: сначала слышался постепенно усиливающийся стук колёс сразу нескольких поездов, потом он увидел сами эти разноцветные стремительные поезда, безо всяких рельсов проносящихся в пространстве под разными углами, и вверх, и вниз, и в бок, затем заблестели большие массивы воды. Видимо, эти образы нахлынули на него благодаря поездке в Актюбинск и обратно, во время которой он менял поезда и несколько раз видел и пересекал Волгу. Потом ему при-

снилось, что он идёт по Октябрьскому бульвару в Актюбинске, а вокруг него клумбы с яркими анютиными глазками с сильным преобладанием искрящегося голубого оттенка, как у глаз Наташи. Дойдя до середины бульвара, Коля свернул налево, в сторону Дома политпросвещения.

Это был четырёхэтажный оштукатуренный и окрашенный охрой дом с большим цоколем, высокими этажами и высокой же шатровой крышей, покрытой железом. На чердак этого дома Коля в детстве много раз залезал за голубями по пожарной лестнице со стороны заднего двора. Лестница была железная, ржавая, местами шаталась. В возрасте шести лет Коля однажды гулял недалеко от этого дома с другом-казахом Булатом. Они тогда впервые увидели это строение, полное архитектурных излишеств. Коля предложил попытаться залезть на чердак и посмотреть, как голуби сидят в своих тёплых гнёздах и есть ли у них птенцы. И если есть, то взять парочку с собой, выкормить, воспитать и сделать из них полезных почтовых птиц. Пацаны обошли здание кругом и увидели пожарную лестницу. Булат сказал, что первым не полезет. А Коля подумал: "Ну и ладно, если будем падать, то упаду на Булата". И полез первым. Булат тоже полез, но сильно отстал, так и завис на первых ступеньках, в то время как Коля был уже где-то на уровне третьего этажа. В этот момент Коля посмотрел вниз и увидел, что Булата нет рядом и что земля осталась далеко внизу. Третий высокий этаж был выше крыш хрущёвок, и, оглядевшись вокруг, Коля увидел целое море

пятиэтажек, тесно расставленных как фишки домино, хоть их толкай. На линии горизонта были видны сталинские дома Жилгородка, а за ними дымили трубы завода ферросплавов и поднимались клубы белого густого пара над градирнями тепловой электростанции. Ещё дальше от Николая и ближе к горизонту блестели синевой лениво текущие по песчаному неглубокому руслу тёплые воды степной реки Илек, название который на русский язык переводится как "сито. У Коли тут же закружилась голова, руки и ноги стали ватными, тело перестало ощущаться, и пацан понял, что сейчас упадёт и разобьётся насмерть. Но ему удалось волевым усилием подавить приступ паники. Коля закрыл глаза, через несколько секунд снова открыл их и уже легко и быстро вскарабкался до самой крыши, весело оглядываясь и подбадривая Булатку. Сейчас, во сне, когда Коля подходил к Дому политпросвещения, он думал, что если бы его мама увидела, как гуляет по крышам её малолетний сынок, то упала бы в обморок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.